

ЛЕОШТЕРН

(ГДР)

ГЛАВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РЕАКЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В странах агрессивного Североатлантического блока и особенно в Западной Германии выходит огромное количество «документальных» публикаций, мемуаров, статей, монографий, военно-стратегических «исследований» по отдельным театрам военных действий и родам войск, описаний операций и т. п., издается масса различной псевдонаучной, реакционной литературы по вопросам предыстории, хода и итогов второй мировой войны. Пишут и все еще подвигающиеся на политической арене или уже ушедшие на пенсию государственные деятели, дипломаты и нацистские генералы, историки-профессионалы и дилетанты. Своими воспоминаниями охотно делятся эсэсовцы и гестаповцы, бывшие сотрудники служб шпионажа, а также вдовы и любовницы казненных военных преступников и всевозможные слуги бывших нацистских главарей. На этих вопросах спекулирует множество темных элементов политического «дна».

Хранят молчание только те, кто были подлинными хозяевами «третьей империи», организаторами кровавого террора против германского рабочего класса и разбойничьих агрессий против свободолюбивых народов,— германские монополисты и финансовые магнаты, волю которых выполнял гитлеровский фашизм.

Реакционная историография второй мировой войны пользуется, в основном, теми же самыми методами, что и после первой мировой войны, только в современном варианте.

Как известно, военное поражение Германии в первой мировой войне изображалось реакционными историками в свете пущенной в обиход Людендорфом легенды об «ударе кинжалом в спину», якобы нанесенном немецкой армии трудящимися Германии. Небезынтересно отметить, что выпущенные в 1956 г. Федеральным архивом в Кобленце два последних тома «Мировой войны 1914—1918 гг.»¹ отражают эту концепцию и проникнуты духом реваншизма. Хотя во введении к этому недавно законченному описанию первой мировой войны всячески подчеркивается научная «объективность» его составителей, в действительности оно является ярко выраженным адвокатским выступлением в защиту Гинденбурга и Людендорфа, германского генерального штаба, генералитета, офицерского корпуса и армии в целом.

В результате мировой войны 1914—1918 гг. империалистическая, милитаристская Германия потерпела полное военное поражение. Однако тогда она не подверглась оккупации державами-победительницами и война не привела к Нюрнбергу, к наказанию главных военных преступников. Вот почему в Веймарской республике и «третьей империи» смогли получить столь широкое распространение легенды о «не-

¹ Речь идет о 13 и 14 томах военно-исторического описания первой мировой войны, издававшегося первоначально Имперским архивом, а затем выделенным из него Военно-историческим научно-исследовательским институтом. К 1939 г. было выпущено 12 томов, охватывавших лишь период с 1914 г. до весны 1917 г. включительно. В 1942 г. в ограниченном количестве экземпляров (для служебного пользования) был выпущен том 13, а к 1944 г. закончена подготовка 14 тома. Оба эти тома, снабженные специальным введением, были в 1956 г. переизданы Федеральным архивом.

побежденности армии врагом» и о пресловутом «ударе в спину». При помощи этих легенд империалисты и милитаристы стремились свалить вину за поражение Германии на немецкий рабочий класс.

Однако история второй мировой войны, начатой нацистами в 1939 г. как тотальная агрессия, а закончившейся в 1945 г. безоговорочной капитуляцией гитлеровской Германии и тотальной катастрофой, уже не поддавалась «обработке» столь примитивными методами. Политическая обстановка требовала новых, более уточненных методов.

В 1945 г. ведущие немецкие буржуазные историки, такие, как Фридрих Мейнеке и Герхард Риттер, еще лишь бессвязно причитали по поводу масштаба национальной катастрофы, а вместе с тем и краха националистической и национал-социалистической концепции истории, столь ревностно превозносившейся до этого немецкой буржуазной историографией. Ф. Мейнеке выражал свое отношение к происшедшему следующими, характерными для историка-идеалиста словами: «Будут ли когда-нибудь во всем объеме поняты те неслыханные события, которые пришлось пережить нам за 12 лет существования третьей империи? Да, пережить мы их пережили, но осмыслить их все мы, без исключения, пока полностью не смогли... Германская история богата трудно разрешимыми загадками и трагическими поворотами. Новоставшая теперь перед нами загадка и пережитая нами ныне катастрофа воспринимаются нами как превосходящие все явления подобного рода»².

Если эта декламация Мейнеке, возможно, и была искренней, то рассуждения Г. Риттера принимать на веру нельзя. Он также издавал подобные вопли, плакался насчет «господства зла и слепого случая в истории» и «демонии власти», сетовал на «загадочный фатум», который якобы определяет всю историю Германии и проявился в личности Гитлера³.

В ряде своих работ («Государственное искусство и военное ремесло», книга о Герделере, «План Шлиффена» и др.), в воинственном выступлении на западногерманской конференции историков (Бремен, сентябрь 1953 г.), а также в некоторых статьях Г. Риттер пытается снять с германского империализма и милитаризма вину за две национальные катастрофы (1918 и 1945 гг.). На примере Риттера можно судить о характере и общем идеологическом направлении западногерманской реакционной историографии второй мировой войны. В наукообразно усложненной форме Риттер выдвигает концепцию, согласно которой германские монополисты и милитаристы должны в союзе с американским империализмом осуществить свое стремление к мировому господству по-иному и лучше, чем при Вильгельме II и при Гитлере.

В немецкой военно-исторической литературе часто встречается фраза, произнесенная после побед, одержанных Пруссией в 1864, 1866 и 1870—1871 гг., Мольткестаршим, дабы затуманить и приукрасить выявившуюся в этих войнах полную непригодность ряда немецких генералов. Мольтке заявил: «Долг уважения и любви к отечеству обязывает нас не губить престиж некоторых полководцев, ибо победы нашей армии связаны с определенными личностями»⁴. Если эта сакраментальная фраза о «престиже» немецких генералов служит с тех пор для немецких военных историков непререкаемым правилом даже при выигранных войнах, то в еще большей мере они следуют ему при описании войн проигранных!

Известный английский военный историк Лиддел Гарт метко охарактеризовал главную тенденцию западногерманской историографии второй мировой войны: «Все поражения немецкой армии приписываются Гитлеру, а все победы — германскому генеральному штабу»⁵. Эта доминирующая тенденция подкрепляется целым рядом легенд, произвольных интерпретаций, схем и прямых фальсификаций ради спасения весьма подмоченного «престижа» германского генерального штаба и, особенно, с целью пропаганды мифа о его непогрешимости.

Реакционная фальсификация истории второй мировой войны затрагивает преимущественно следующие вопросы: предыстория второй мировой войны; фашистское нападение на Советский Союз 22 июня 1941 г.; поворотные пункты войны; роль

² «Die deutsche Katastrophe». Wiesbaden, 1947. S. 5.

³ «Geschichte als Bildungsmacht?». Stuttgart, 1947. S. 24.

⁴ «Die Welt als Geschichte», 1957, H. I, S. 67.

⁵ B. H. Liddell Hart. Jetzt dürfen sie reden. Stuttgart — Hamburg, 1948, S. 17.

Советского Союза во второй мировой войне; немецкое движение Сопротивления и миф о 20 июля 1944 г.; политика западных держав в период второй мировой войны; антифашистская борьба поработченных нацизмом народов; крах гитлеровской Германии и Нюрнбергский процесс главных военных преступников; роль эсэсовских и прочих нацистских формирований во второй мировой войне; «интеграция Европы» в качестве идеологических рамок агрессивного Североатлантического пакта.

В настоящей статье будут рассмотрены лишь некоторые вопросы, по каждому из которых в Западной Германии, США, Англии, Франции, Италии, Швейцарии и в других западных странах опубликована обширная литература.

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ПРЕДЫСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Предметом реакционных извращений и фальсификаций здесь служат прежде всего следующие три комплекса вопросов: фашистская внешняя политика 1933—1939 гг.; характер так называемой политики умиротворения, проводившейся западными державами по отношению к гитлеровской Германии; роль Советского Союза в международных отношениях накануне второй мировой войны.

Реакционная историография явно или скрыто стремится реабилитировать те круги, которые привели Гитлера к власти и интересы которых он представлял, оправдать германский монополистический капитал и милитаризм. Так, Гейнц Хольдак⁶ усматривает во внешнеполитической концепции фашизма не общеизвестные захватнические планы германского империализма, а лишь заслуживающую осуждения личную политику Гитлера и Риббентропа. Немецкий институт экономических исследований в своей публикации «Германская промышленность в войне 1939—1945 гг.» оправдывает германский империализм, изображая его буквально чуть ли не воплощением миролюбивых, неагрессивных внешнеполитических стремлений⁷.

Другая разновидность реакционной фальсификации состоит в том, что проводится грань во времени между якобы «миролюбивым» Гитлером первых лет фашистского режима и агрессивным Гитлером последующего периода. Так поступают Отто Мейсснер и Отто Дитрих⁸. Но имеются попытки спасти даже и агрессивного Гитлера. Одну из них предпринимает мюнхенская Высшая школа политических наук в сборнике «Германский Восток», где аннексия Судетской области выдается при помощи лживой ссылки на международное право за «законное расширение территории»⁹.

По вопросу о так называемой политике умиротворения, проводившейся западными державами, и об исторической вине, которую несут их правительства за потворство гитлеровской Германии, буржуазная историография расходится во мнениях. Расхождения относятся к оценке позиции Англии и Франции в связи с введением Гитлером всеобщей воинской повинности, с абиссинским конфликтом, с освобождением войной испанского народа, с аннексией Австрии, Судетской области и Чехословакии. Для этих расхождений характерно, что западногерманские историки (например, Г. Хольдак и Эрих Кордт¹⁰) «осуждают» политику умиротворения гораздо резче, чем французские и английские, ибо видят в этом дополнительную возможность политического оправдания германского империализма. Но несмотря на внешне резкие выражения по адресу Англии и Франции, здесь, разумеется, нет и речи о принципиальной критике внешней политики этих стран, поскольку западногерманские историки тщательно избегают вскрывать подлинные корни «политики умиротворения» — стремление западных держав путем постоянных уступок гитлеровской Германии «анализировать» ее агрессию, т. е. направить ее против Советского Союза.

⁶ H. H. H. H. Was wirklich geschah. Die diplomatischen Hintergründe der deutschen Kriegspolitik. München, 1949, S. 90, 165.

⁷ «Die deutsche Industrie im Kriege 1939—1945». Deutsches Institut für Wirtschaftsforschung. Berlin, 1954, S. 129.

⁸ O. Meissner. Staatssekretär unter Ebert — Hindenburg — Hitler. Hamburg, 1950, S. 615; O. Dietrich. Zwölf Jahre mit Hitler. München, 1955, S. 56 и др.

⁹ «Der deutsche Osten». Veröffentlichungen der Hochschule für politische Wissenschaften. München, 1956, S. 70.

¹⁰ H. H. H. H. Was wirklich geschah, S. 26; E. Kordt. Wahn und Wirklichkeit, hrsg. unter Mitwirkung von K. H. Abshagen, 2. Aufl. Stuttgart. 1948, S. 62, 118.

С целью маскировки истинного смысла внешнеполитической позиции Англии и Франции западногерманские историки благожелательно говорят о «недостаточно ясной линии» и о «нецелестремленности и непоследовательности»¹¹ политики западных держав и одновременно упоминают о якобы логичной и честной чемберленовской «политике мира»¹². К подобной же аргументации прибегают Вальтер Хофер, Вальтер Гёрлиц и Герберт А. Квинт¹³.

С другой стороны, английский историк Джон У. Уилер-Беннет, критикуя германский милитаризм и находя для него весьма резкие выражения, в то же время стремится оправдать позицию Чемберлена и Даладье в Мюнхене ссылками на существующее им «чувство реальной политики»¹⁴. Уинстон Черчилль, который в остальном оценивает политику Чемберлена критически, заявляет, будто в Мюнхене тем руководила «искренняя любовь к миру», которая, однако, «устраняла опасность сегодня, с тем чтобы навлечь гораздо большую завтра»¹⁵. Только один Эрнст Никиш, в соответствии с исторической правдой, констатирует, что политика уступок западных держав Гитлеру, в лице которого они видели «великого кондотьера» против Советского Союза, определялась их антисоветской позицией. В уничтожении Чехословакии Никиш видит «вступление к европейской антибольшевистской акции», причем эта страна явилась той жертвой, «которую западные державы принесли для того, чтобы самим избавиться от угрозы со стороны Гитлера и отвлечь его на Восток»¹⁶.

Что касается внешней политики Советского Союза в 1933—1939 гг. и германо-советского договора о ненападении от 23 августа 1939 г., то вокруг них разыгрывается настоящая оргия антисоветской фальсификации и клеветы. Здесь преобладает метод, который в свое время уже был использован правительствами США, Англии и Франции в опубликованном в 1948 г. тенденциозном сборнике «Nazi-Soviet Relations 1939—1941». Метод этот состоит в том, что указанный договор рассматривается изолированно и в отрыве от всей предыстории международных отношений периода 1933—1939 гг. Хотя официальный ответ советского правительства, опубликованный в том же году под названием «Фальсификаторы истории»¹⁷, разоблачил эти грязные махинации, реакционные историки войны и ныне продолжают вести антисоветскую кампанию теми же самыми методами и при помощи тех же самых аргументов. Они делают это прежде всего для того, чтобы возложить на Советский Союз ответственность за развязывание второй мировой войны.

Особенное усердие в этом направлении проявляют историки А. Росси, В. Хофер, Ганс-Гюнтер Серафим, Г. Хольдак, а также Э. Кордт и С. Хор¹⁸. Эти авторы сознательно игнорируют отклонявшиеся западными державами реальные предложения Советского Союза в 1933—1934 гг. о разоружении, упорно не желают замечать того факта, что Англия и Франция фактически поддерживали политику Гитлера, означавшую интенсивное вооружение Германии с целью создания так называемого бастиона против большевизма, стремились поставить Советский Союз в положение политической изоляции. Игнорируется и тот факт, что западные державы прямо саботировали многолетние усилия Советского Союза по созданию коллективной безопасности против фашистской агрессии, целям подготовки и осуществления которой служила ось Берлин — Рим — Токио.

¹¹ E. Kordt. Wahn und Wirklichkeit, S. 58, 117.

¹² H. Houldack. Was wirklich geschah, S. 26, 102.

¹³ W. Hofer. Die Entfesselung des Zweiten Weltkrieges. Stuttgart, 1955. S. 47; W. Görlich, H. A. Quint. Adolf Hitler. Eine Biographie. Stuttgart, 1952. S. 499.

¹⁴ J. W. Wheeler-Bennett. Die Nemesis der Macht. Die deutsche Armee in der Politik 1918—1945. Düsseldorf, 1954, S. 499.

¹⁵ W. Churchill. Der Zweite Weltkrieg, Bd. 1/1. Bern, 1948. S. 220.

¹⁶ E. Niekisch. Das Reich der niederen Dämonen. Hamburg, 1953, S. 279, 281, 284.

¹⁷ «Фальсификаторы истории (Ист. справка)». М., 1952.

¹⁸ A. Rossi. Zwei Jahre deutsch-sowjetisches Bündnis. Köln — Berlin, 1954; W. Hofer. Die Entfesselung des Zweiten Weltkrieges; H.-G. S e r a p h i m. Die deutsch-russischen Beziehungen 1939—1941.— «Göttinger Beiträge zu Gegenwartsfragen. Völkerrecht, Geschichte, Internationale Politik», H. I. Hamburg, 1949; H. Houldack. Was wirklich geschah; E. Kordt. Wahn und Wirklichkeit; S. Hoare. Neun bewegte Jahre. Düsseldorf, 1955.

Применяемый реакционной историографией метод фальсификации состоит в том, что детальному рассмотрению подвергается не период до Мюнхена, знаменующего кульминационный пункт политики «умиротворения», а лишь период после аннексии Чехословакии (март 1939 г.). Вместе с тем сознательно переоценивается якобы наступившее с этого момента изменение внешнеполитического курса западных держав.

В действительности же военно-политические маневры Англии и Франции имели целью оказание на Гитлера известного дипломатического давления, а также обман народных масс, которые перед лицом агрессивных действий гитлеровской Германии настойчиво выступали за сотрудничество этих стран с Советским Союзом.

Затяжные переговоры, ведшиеся в Москве не имевшими на то достаточных полномочий английской и французской военными миссиями второго ранга, отклонение ими абсолютно оправданного при тогдашней политической обстановке требования СССР о пропуске советских войск через Польшу с целью положить конец дальнейшей агрессии Гитлера используются В. Хофером, Г. Хольдаком и С. Хором в качестве повода для инсинуаций по адресу Советского Союза.

Дабы продемонстрировать свою «научную объективность», Г. Мау, Г. Краусник, а также В. Хофер резко нападают на Гитлера, разумеется после его смерти, за германо-советский пакт о ненападении. Так, В. Хофер обвиняет Гитлера в том, что тот этим договором «разрушил запруды, воздвигнутые против большевистской России», а потому несет перед историей ответственность за «вторжение этого неподдающегося учету европейско-азиатского фактора силы»¹⁹. Эту же мысль В. Хофер высказывал и на X международном съезде историков в Риме²⁰.

Чтобы показать всю несостоятельность этой смеси извращений, фальсификаций и лицемерия со стороны политиканствующих историков и воинствующих псевдоисториков, необходимо обратиться к фактам. Даже весной и летом 1939 г. западные державы все еще старались создать империалистический фронт против Советского Союза при участии Польши, возглавляемой полковником Беком и Рыдз-Смиглы. Главной задачей советской внешней политики в этой обстановке было, из соображений безопасности СССР, разрушить этот единый фронт западных держав, гитлеровской Германии и панской Польши. Поскольку правительства Англии и Франции в течение ряда лет игнорировали предложения СССР о союзе, вели с ним в тот период рассчитанные на затяжку переговоры с целью использования этих переговоров в качестве средства дипломатического давления на Гитлера, у советской внешней политики не оставалось иного пути, как заключить с гитлеровской Германией договор о ненападении. Историческая задача этого договора состояла для СССР в том, чтобы сорвать заговор мирового империализма и обеспечить советскому народу выигрыш во времени для мирного труда и укрепления своей обороноспособности.

Заслуживает внимания следующий вывод Э. Никиша — одного из немногих объективных буржуазных историков: «Советские жизненные интересы требовали подорвать англо-германские отношения столь основательно и окончательно, чтобы существованию Советского государства больше не угрожала опасность британо-германского удара»²¹. Подобным же пониманием реального политического положения проникнут вывод генерала Огюстена Гийома, бывшего французского военного атташе в Москве²².

ФАШИСТСКОЕ НАПАДЕНИЕ НА СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В ОЦЕНКЕ РЕАКЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Несмотря на тот известный всему миру факт, что нападение гитлеровской Германии на Советский Союз означало совершенно явную агрессию, несмотря на приговор Международного военного трибунала в Нюрнберге, который опроверг легенду о «превентивной войне» со стороны Гитлера, подобной точки зрения, пусть с извест-

¹⁹ H. Maу, H. Krausnick. Deutsche Geschichte der jüngsten Vergangenheit 1933—1945. Stuttgart, 1956, S. 130; W. Hofer. Die Entfesselung des Zweiten Weltkrieges, S. 56.

²⁰ W. Hofer. Objektivität und Parteilichkeit.— «Deutsche Rundschau», 1956, H. 6, S. 593.

²¹ E. Niekisch. Das Reich der niederen Dämonen, S. 292.

²² A. Guillaume. Warum siegte die Rote Armee? Baden-Baden, 1949, S. 23, 29 и др.

ными модификациями и оговорками, придерживается, как и прежде, ряд буржуазных историков.

Аргументация этих историков развивается в той же плоскости, что и по вопросу о предыстории второй мировой войны. Демагогический прием заключается в том, что договор о ненападении от 23 августа 1939 г. пытаются вывести из клеветнически приписываемой СССР общности интересов с гитлеровской Германией. А. Росси утверждает, будто причиной разрыва между гитлеровской Германией и Советским Союзом послужил «конфликт между двумя империалистическими программами»²³. От этого заведомо лживого утверждения лишь один шаг до оправдания фашистской агрессии против Советского Союза как «превентивной войны».

С мнимой «объективностью» реакционные историки заявляют, что в 1941 г. Советский Союз, действительно, не напал на Германию, но, мол, наверняка совершил бы это нападение, как только она оказалась бы в тяжелом положении в результате действий западных держав. К таким аргументам прибегает, например, К. Типпельскирх, а также К. Ассман, который не без удовлетворения заявляет, что Гитлер, с точки зрения дальнейшего хода событий, «правильно оценивал ситуацию»²⁴. К реакционным историкам войны, разделяющим эту антисоветскую версию, принадлежат также Г. Хольдак, Г. Мау и Г. Краусник, а также Франц Гальдер²⁵.

Самый реакционный вариант тезиса о «превентивной войне» со стороны Германии защищает гёттингенский историк Ганс-Гюнтер Серафим, который, отказываясь даже от оговорок предыдущих авторов, бездоказательно заявляет о существовании уже в 1941 г. конкретной «угрозы с Востока». Каких вершин фальсификации достигает этот движимый слепой ненавистью к Советскому Союзу историк, показывает приложение к его «труду», где Серафим при помощи произвольно подобранных и вырванных из общей взаимосвязи документов пытается подкрепить тезис о «превентивной войне»²⁶. Серафим не упоминает при этом ни словом о том, что Международный военный трибунал именно на основе этих материалов решительно отверг легенду о «превентивной войне», уже тогда создававшуюся обвиняемыми гитлеровскими генералами.

В этой связи интересно также, что У. Черчилль, который хотя и не может отрицать своей в корне антисоветской позиции, в своих мемуарах не говорит ни о какой «превентивной войне» со стороны Германии. Черчилль констатирует, что Англия приветствовала вступление СССР в войну как решающее изменение в соотношении сил. Черчилль упрекает Советский Союз в том, что по отношению к судьбе воевавших с Германией западных держав он «показал себя совершенно индифферентным, хотя это означало разрушение того «второго фронта», к открытию которого он сам вскоре стал так громко призывать»²⁷. Но Черчилль умышленно умалчивает при этом, что именно англо-французская политика в 1933—1939 гг. помешала СССР создать совместно с западными державами союз против гитлеровской Германии, в результате чего Советский Союз оказался вынужденным заключить германо-советский договор о ненападении от 23 августа 1939 г. Хотя и с других позиций, нежели западногерманские историки, Черчилль также стремится опорочить внешнюю политику СССР периода 1939—1941 гг. С набожным ханжеством он усматривает в нападении Гитлера на Советский Союз «справедливое возмездие Немезиды».

Черчилль с многозначительным молчанием проходит и мимо еще требующих своего изучения закулисных причин «*drôle de guerre*» — «странной войны». Молчание Черчилля насчет «странной войны» имеет под собой веское основание. Ведь именно в ней наиболее отчетливо проявилась двуличная позиция западных держав в отношении Советского Союза. Когда Гитлер после совершенного им 1 сентября 1939 г.

²³ A. Rossi. Zwei Jahre deutsch-sowjetisches Bündnis, S. 199.

²⁴ K. v. Tippelskirch. Geschichte des Zweiten Weltkrieges. Bonn, 1956, S. 180. См. также на русском языке: К. Типпельскирх. История второй мировой войны. М., 1956; К. Ассман. Deutsche Schicksalsjahre. Wiesbaden, 1950, S. 228.

²⁵ H. Holidack. Was wirklich geschah, S. 241; H. Maу, H. Krausnick. Deutsche Geschichte..., S. 151; F. Halder. Hitler als Feldherr. München, 1949, S. 36; P. Vog. Gespräche mit Halder. Wiesbaden, 1950, S. 194 и др.

²⁶ H.-G. Seraphim. Die deutsch-russischen Beziehungen, S. 31, 41, 42 и др.

²⁷ W. Churchill. Der Zweite Weltkrieg, Bd. 3/1, S. 420, 421.

нападения на Польшу отклонил ультиматум западных держав об отводе немецких войск на территорию германской империи, это практически означало возникновение состояния войны и на Западе. Однако война на Западе до начала кампании Гитлера против Франции 10 мая 1940 г. ограничивалась лишь символическими военными действиями, почему и вошла в историю под метким названием «странной» или «комичной» войны. Но закулисные причины этой войны были отнюдь не странными и не комичными, а исключительно серьезными и пахнущими человеческой кровью: западные державы заботились прежде всего о том, чтобы направить гитлеровскую агрессию «по правильному пути», т. е. против Советского Союза.

«Осветить эти закулисные причины», сознательно оставаясь при этом на поверхности явлений, пробует Отто Генрих Кюннер²⁸, который с наигранным удивлением отмечает, что после немецкого нападения на Польшу на Западе не велось никаких боевых действий, хотя 8 кадровым и 25 резервным немецким дивизиям там противостало 85 одних только французских дивизий. Примитивное объяснение, что генерал Гамелен был теоретиком оборонительной войны, не желавшим пожертвовать линией Мажино, даже сам Кюннер считает несостоятельным. К тому же для воздушных налетов на Германию с целью ослабить натиск на своего польского союзника Франции вовсе не надо было оставлять линию Мажино.

Как немецкие военные историки, так и Черчилль совершенно очевидно не заинтересованы во внесении ясности в ту грязную политическую игру, которая велась обеими сторонами с самого начала «странной войны» вплоть до «загадочного» полета Рудольфа Гесса в Англию. Но и вышеприведенных фактов достаточно, чтобы показать, что представляет собой в действительности выдвигаемое реакционными историками обвинение Советского Союза в якобы «двусмысленной» политике периода 1939—1941 гг.

ВОПРОС О ПОВОРОТНЫХ ПУНКТАХ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Пожалуй, самую гнусную антисоветскую пропаганду реакционные историографы вводят путем искаженного, фальсифицированного изображения поворотных пунктов в истории второй мировой войны. Выдержанные для видимости в стиле, присущем «беспристрастным летописцам», эти спекулятивные утверждения и комбинации на поверхности оказываются неотъемлемой составной частью идеологической подготовки третьей мировой войны.

На первый план выдвигаются не решающая роль Советской Армии в разгроме гитлеровских войск, не крупнейшие военные операции на советско-германском фронте, а моменты второстепенного значения (например, наличие в английском военно-воздушном флоте радиометрической аппаратуры, бомбардировка Пеезенюнде или ошибочные стратегические решения), и им приписывается определяющее значение для всего хода войны. Тем самым, в конечном итоге, причинами поражения гитлеровской Германии объявляются случайности. Это делается для того, чтобы иметь возможность защищать политику авантюризма, агрессии и войны, вытекающую из самой природы германского империализма и милитаризма. Рассмотрим здесь некоторые аргументы реакционной историографии.

1. *«Дюнкеркское чудо» (конец мая 1940 г.)*. С Дюнкерком, как известно, связана выдвигаемая реакционной западногерманской историографией легенда о «подаренной победе», и при этом впервые выдвигается тезис о единоличной вине Гитлера. Реакционные историки войны, а особенно немецкие генералы, придают исключительно большое значение констатации, что Гитлер издал одиозный «приказ о приостановке наступления» исключительно за свою собственную ответственность. Об этом пишут Квинт, Эрфурт, Кюннер, Типпельскирх, Шалман, Уилмот и Ассман²⁹. По их

²⁸ О. Н. Kühner. Wahn und Untergang 1939—1945. Stuttgart, 1957, S. 35.

²⁹ Н. А. Quint. Die Wendepunkte des Krieges. Stuttgart, 1950, S. 13; W. Erfurth. Geschichte des deutschen Generalstabs 1918—1945. Göttingen, 1957, S. 245; О. Н. Kühner. Wahn und Untergang, S. 55; K. v. Toppelskirch. Geschichte des Zweiten Weltkrieges, S. 83 и др.; M. Schulman. Die Niederlage im Westen. Mit einer Einführung von Prof. Dr. Gerhard Ritter. Gütersloh, 1949, S. 96; Ch. Wilmot. Der Kampf um Europa. Frankfurt a. M.—Berlin, 1954; S. 7; K. Assmann. Deutsche Schicksalsjahre, S. 169 и др.

мнению, этот приказ мог быть обоснован несколькими соображениями: непригодностью болотистой фландрской местности для использования танков; необходимостью отдыха танковой группе Клейста после операции Булонь — Кале — Ипр — Лилль; преувеличенными надеждами Гитлера на геринговскую авиацию. В качестве другой причины указывается на стремление Гитлера прежде всего закончить войну против Франции, поскольку его политической целью (как утверждает Честер Уилмот³⁰) была не Англия, а Париж. К. Ассман³¹ выдвигает наиболее близкую к истине версию, что Гитлер хотел предоставить англичанам возможность эвакуироваться из Дюнкерка по политическим соображениям, а потому дал приказ авиации прекратить налеты на этот город. Целью Гитлера и на этой фазе войны было заключить с Англией мир, чтобы предложить ей любую помощь в будущей совместной войне против Советского Союза.

С отступлением англичан из Дюнкерка в буржуазной военно-исторической литературе тесно связано описание операции «Зеелёве». После военного разгрома Франции Гитлер, как известно, еще более интенсивно стремился достигнуть взаимопонимания с Англией, в чем его, по свидетельству Черчилля³², поддерживали (и это весьма характерно) Швеция, США и Ватикан. Когда попытки Гитлера поладить с Англией не увенчались успехом, он 16 июля 1940 г. отдал приказ о подготовке операции «Зеелёве», т. е. высадки на английском побережье. Однако по различным причинам начало этой операции все время переносилось, пока в октябре 1940 г. от нее не отказались вообще и не заменили планом совместно с франкистской Испанией закрыть Англии доступ в Средиземное море через Гибралтар (операция «Феликс»).

Не будем вдаваться далее во все эти противоречивые комментарии, предположения и взаимные обвинения в «нарушении чести германского вермахта»³³ в книгах Ассмана, Карла Путткамера, Эрфурта, Черчилля, Квинта, Альберта Кессельринга, Эриха Манштейна, Шалмана, Бора, Росси³⁴ и др.

Путткамер, Типпельскирх и Фуллер³⁵ видят в операции «Зеелёве» не серьезно задуманную операцию, а лишь «нордическую хитрость» — попытку Гитлера ввести Советский Союз в заблуждение относительно подготовки вторжения в Англию. В это время Гитлер уже занимался «русским вопросом», т. е. разработкой планов нападения на Советский Союз. Крупнейшей стратегической ошибкой Гитлера, а вместе с ним и многих немецких генералов, заявляет Фуллер, было то, что при разработке этих планов он слишком явно шел по пути Наполеона. Вера в возможность «молниеносной войны» сокрушить Россию, чтобы сделать Англию более склонной к переговорам, в конце концов стала роковой для гитлеровской Германии. Следует отметить, что, согласно концепции, гитлеровская Германия считала своим главным врагом не Советский Союз, а якобы Англию. Это является совершенно очевидным искажением исторической истины.

Смысл всех этих «рассуждений», подкрепляемых всевозможными военно-стратегическими «доводами», разгадать нетрудно. Путем переоценки «битвы за Англию», а также хронологической передвигки момента решения исхода войны уже на лето 1940 г. стремятся опорочить и снизить удельный вес Советского Союза в антигитлеровской коалиции, его исключительные военные успехи, значение битвы за Москву

³⁰ Ch. Wilmot. Der Kampf um Europa, S. 6.

³¹ K. Assmann. Deutsche Schicksalsjahre, S. 170.

³² W. Churchill. Der Zweite Weltkrieg, Bd. 2/1, S. 312 и др.

³³ «Weltkrieg 1939—1945. Ehrenbuch der deutschen Wehrmacht». Bd. I. Landkrieg. Stuttgart, 1954, S. 37.

³⁴ K. Assmann. Deutsche Schicksalsjahre, S. 177 и др.; K. J. v. Puttkamer. Die unheimliche See. Hitler und die Kriegsmarine. Dokumente und Zeitgeschichte, Bd. 2. Wien — München, 1952, S. 39; W. Erfurth. Geschichte des deutschen Generalstabs, S. 249; W. Churchill. Der Zweite Weltkrieg, Bd. 2/1, S. 361 и др.; H. A. Quint. Wendepunkte des Krieges, S. 28 и др.; A. Kesselring. Gedanken zum Zweiten Weltkrieg. Bonn, 1957, S. 77 и др.; E. Manstein. Verlorene Siege. Bonn, 1957, S. 167 и др.; M. Schulman. Die Niederlage im Westen, S. 112; P. Bor. Gespräche mit Halder, S. 177; A. Rossi. Zwei Jahre deutsch-sowjetisches Bündnis, S. 128.

³⁵ K. J. v. Puttkamer. Die unheimliche See, S. 38; K. v. Tippelskirch. Geschichte des Zweiten Weltkrieges, S. 105; J. F. C. Fuller. Der Zweite Weltkrieg 1939—1945. Wien — Stuttgart, 1950, S. 102.

и Сталинградской битвы — сражений, в конечном итоге которых победоносная Советская Армия наголову разбила гитлеровские войска и дошла до Берлина.

2. *Битва за Москву.* Поражение немецко-фашистских войск под Москвой осенью 1941 г. настолько очевидно, что его невозможно отрицать. Тем не менее битые гитлеровские генералы и западногерманские реакционные историки пытаются всячески преуменьшить значение битвы за Москву, принизить героические действия советских войск, опорочить советский народ и его Коммунистическую партию. Поэтому они объясняют поражение немецко-фашистских войск всевозможными причинами, кроме подлинных, и прежде всего стараются возложить вину за него на одного Гитлера.

В действительности же в битву за Москву германский генеральный штаб бросил 80 дивизий, в том числе 14 танковых, 9 моторизованных, а также 1000 боевых самолетов 2-го воздушного флота, перебазированного из района Средиземного моря. Битва за Москву имела решающее значение для дальнейшего хода не только Великой Отечественной войны советского народа, но и всей второй мировой войны в целом. Под Москвой германский вермахт — бесспорно сильнейшая армия капиталистического мира — потерпел свое первое крупное поражение. Был нанесен серьезнейший удар мифу о непобедимости немецкой армии, возникшему в результате успешных «молиниеносных войн» против ряда европейских государств.

Битва за Москву имела огромное как военное, так и политическое значение. Во-первых, ударами советских вооруженных сил была сорвана исподволь подготовлявшаяся германским генеральным штабом «молиниеносная война» против Советского Союза, во-вторых, с этого момента стратегическая инициатива перешла в руки советского командования и тем самым положение на Восточном фронте решающим образом изменилось в пользу СССР; в-третьих, политическим следствием победоносной битвы под Москвой был рост авторитета СССР в глазах народов поработанных фашизмом стран Европы. После разгрома немецко-фашистских войск под Москвой народы этих стран увидели в лице Советского Союза реальную силу, способную не только остановить фашистских агрессоров, но и разгромить их.

Какое же отражение нашла проигранная фашистской Германией битва за Москву в кривом зеркале битых гитлеровских генералов и идеологов германского милитаризма? Болтовня насчет «необозримых русских просторов», о «генерале Грязь», о «генерале Мороз» и т. п. — все это совершенно беспочвенные аргументы, которые, как бумеранг, бьют по тем, кто их измышляет, ибо в тех же условиях сражались и советские войска. Но тут немецким генералам служит в качестве козла отпущения все тот же Гитлер! С полным единодушием и лишь с незначительными вариациями западногерманские военные историки приписывают всю вину за поражение под Москвой одному Гитлеру. По их мнению, при разработке и осуществлении планов ведения войны на Востоке Гитлер допустил следующие решающие ошибки:

1) Гитлер недооценил значение Москвы и задержал продвижение армейской группы «Центр», чтобы из экономических соображений форсировать боевые действия в направлении Киева и Ленинграда. Об этом пишется в книге «Вторая мировая война 1939—1945 гг.», это утверждают Бруно Брем, А. Кессельринг, В. Гёрлиц, К. Типпельскирх и В. Эрфурт, причем последний подчеркивает, что из-за операций на Балканах гитлеровская Германия потеряла пять недель, которые оказались решающими для исхода войны против России³⁶.

2) Несмотря на все предостережения своих генералов, Гитлер сознательно игнорировал босую силу Советской Армии и с пеной у рта обрушивался на их «мнительность» и «пораженчество»³⁷. Гитлер считал, что к концу осени 1941 г. ему уже удалось сломить силу советских войск, и поэтому якобы приказал расформировать 40 дивизий и прекратить производство боеприпасов. К тому же он рассчитывал на крах «коммунистического режима» после первых же тяжелых испытаний³⁸.

³⁶ «Weltkrieg 1939—1945», Bd. I, S. 136 и др.; B. Brehm. Am Rande des Abgrunds. Graz — Göttingen, 1952, S. 274; A. Kesselring. Gedanken zum Zweiten Weltkrieg, S. 112; W. Görlitz, H. A. Quint. Adolf Hitler, S. 577 и др.; K. v. Toppelskirch. Geschichte des Zweiten Weltkrieges, S. 201 и др.; W. Erfurth. Geschichte des deutschen Generalstabs, S. 263.

³⁷ «Weltkrieg 1939—1945», Bd. I, S. 157.

³⁸ P. Bor. Gespräche mit Halder, S. 198; H. A. Quint. Wendepunkte des Krieges, S. 78 (Anm).

3) Со всеми этими просчетами Гитлера связана недостаточная подготовка немецких войск к зимней кампании, о вероятности которой Браухич предупреждал Гитлера еще в июле 1941 г. Тем не менее Гитлер был твердо убежден в том, что солдаты еще к рождеству будут дома³⁹.

4) Когда перед лицом надвигавшейся зимы Рунштедт уже в конце октября 1941 г. требовал от Гитлера приостановки наступления, тот был поддержан в своих заблуждениях генералами Боком и Браухичем⁴⁰.

Генералы упрекают Гитлера в том, что, приняв на себя в тот момент верховное командование, он удерживал его в своих руках и в дальнейшем и своим упрямством, игнорированием военных соображений вызвал тяжелейшие кризисы⁴¹.

Приведшие к тяжелым для гитлеровской Германии последствиям удары советских войск под Москвой не может оспаривать ни один военный специалист. Типпельскирх подчеркивает деморализующее воздействие этого поражения на немецко-фашистские войска; невольно напрашивалась параллель с походом Наполеона в 1812 г. и с постигшей его судьбой⁴². Фуллер сравнивает эту ситуацию с битвой за Париж в 1914 г. и с «чудом на Марне»⁴³. Ассман признает, что до тщательного изучения зимней кампании в России он считал решающим поворотом в войне сражение у Эль-Аламейна, но теперь пришел к выводу, что таким пунктом является битва за Москву, поскольку с этого момента инициатива уже находилась у советского верховного командования, а немецкие войска не могли больше оправиться от той потери своего престижа, которую они испытали под Москвой⁴⁴.

3. *Бои за Эль-Аламейн*. Значение этих боев (июль 1942 г.) и военных действий в бассейне Средиземного моря некоторые военные историки намеренно преувеличивают. Так, Типпельскирх придает событиям в Северной Африке гораздо большее значение в общем ходе второй мировой войны, чем Сталинграду⁴⁵. Смысл ясен: путем сознательного перемещения центра тяжести войны с Восточного фронта в район Средиземного моря преуменьшается, недооценивается и по существу сводится на нет решающая роль Советской Армии в разгроме гитлеровской Германии. Заметим попутно, что при этом буржуазные историки неоднократно противоречат друг другу, признавая, в частности, решающее значение битвы за Москву.

Легко понять, почему легенда, будто центр тяжести войны находился в бассейне Средиземного моря, культивируется преимущественно английскими историками. Так, Черчилль, со свойственной ему любовью к парадоксам, заявляет: «До Эль-Аламейна мы не имели ни одной победы, а после Эль-Аламейна — ни одного поражения»⁴⁶. Фуллер называет сражение у Эль-Аламейна «самой решающей сухопутной битвой, которая когда-либо была выиграна союзниками, и одной из самых решающих в истории Великобритании»⁴⁷. Ему вторят Типпельскирх и авторы книги «Мировая война 1939—1945 гг.»⁴⁸, подчеркивая тяжелые последствия этого поражения для морального духа итальянского народа. Главная причина поражения под Эль-Аламейном заключается, по их мнению, в отсутствии боеспособного военно-морского флота и авиации. Небезынтересно отметить, что Типпельскирх и авторы «Мировой войны 1939—1945 гг.» тем самым признают, какое важное значение имела борьба советских войск даже для отдаленного Североафриканского театра войны, ибо 2-й военно-воздушный флот, на отсутствие которого они так горько сетуют, был переброшен Гитлером именно на германо-советский фронт⁴⁹. Тем самым советские

³⁹ P. B. o. r. Gespräche mit Halder, S. 198; R. Brehm. Am Rande des Abgrunds, S. 275.

⁴⁰ Ch. Wilmot. Der Kampf um Europa, S. 78 и др.

⁴¹ «Weltkrieg 1939—1945», Bd. I, S. 154; B. Brehm. Am Rande des Abgrunds, S. 274; K. v. Tippelskirch. Geschichte des Zweiten Weltkrieges, S. 210; B. H. Liddell Hart. Jetzt dürfen sie reden, S. 350 и др.

⁴² K. v. Tippelskirch. Geschichte des Zweiten Weltkrieges, S. 209.

⁴³ J. F. C. Fuller. Der Zweite Weltkrieg, S. 211.

⁴⁴ K. Assmann. Deutsche Schicksalsjahre, S. 286.

⁴⁵ K. v. Tippelskirch. Geschichte des Zweiten Weltkrieges, S. 268.

⁴⁶ W. Churchill. Der Zweite Weltkrieg, Bd. 4/2, S. 219.

⁴⁷ J. F. C. Fuller. Der Zweite Weltkrieg, S. 279.

⁴⁸ K. v. Tippelskirch. Geschichte des Zweiten Weltkrieges, S. 293; «Weltkrieg 1939—1945», Bd. I, S. 84.

⁴⁹ O. H. Kühner. Wahn und Untergang, S. 170 и др.

войска внесли свой немалый вклад в победу английских войск под Эль-Аламейном, которая сама по себе не играла сколько-нибудь значительной роли в общем ходе второй мировой войны.

Нет особой необходимости вдаваться в детали споров между гитлеровскими генералами о том, можно ли было путем более энергичных и целеустремленных действий в бассейне Средиземного моря еще обеспечить победу Германии в войне. В этих спорах заслуживает внимания только один момент: и здесь генералы А. Кессельринг (авиация), К. Ассман (военно-морской флот) и В. Эрфурт (сухопутные силы)⁵⁰ и другие упрекают Гитлера в том, что из-за своего «упорно континентального мышления» он рассматривал Средиземное море как второстепенный театр военных действий. Гитлер, заявляют они, роковым образом не уловил тех репающих для войны возможностей, которые открывались для Германии на Средиземном море.

Но в своем стремлении возложить всю вину только на одного Гитлера и оправдать самих себя эти генералы совершенно забывают о том, что перемещение центра тяжести операций в бассейн Средиземного моря (даже если бы Гитлер и хотел этого) было невозможно, поскольку главные силы германского вермахта были скованы на Восточном фронте и исход войны решался именно там.

В заключение следует указать на те реваншистские тенденции, которые видны в спорах бывших гитлеровских генералов. Своими путанными политическими и военными гаданиями типа «что было бы, если бы...» эти милитаристы, снова находящиеся у власти в Западной Германии, стараются создать впечатление, будто все пошло бы совсем иначе, если бы только послушались их, этих «непогрешимых стратегов». Зато в будущем, поскольку теперь во главе Федеративной республики Германии стоят люди, которым больше не мешает Гитлер, все, мол, наверняка пойдет как надо.

4. Сталинградская битва. Как вынуждены признать даже гитлеровские генералы, уже битва под Москвой сорвала план «молниеносной войны» и разрушила миф о непобедимости германского вермахта.

Что касается Сталинградской битвы, то для 6-й армии под командованием генерал-полковника Паулюса и для итальянских и румынских войск она означала в буквальном смысле слова, а для всего германского генерального штаба — в моральном — настоящие «Канны», те самые классической формы «Канны», о которых так мечтали Клаузевиц, Мольтке и Шлиффен, но которые — *horribile dictu!* * — мастерски устроила гитлеровским генералам Советская Армия.

Битва за Сталинград, несомненно, явилась одним из наиболее выдающихся событий второй мировой войны. Замечательная победа советских вооруженных сил под Сталинградом была в то же время началом огромной стратегической операции, которая в значительной мере привела к полному разгрому гитлеровской Германии. Не говоря уже о тяжелом военном шоке, испытанном гитлеровской Германией на фронте и в тылу, уничтожение итальянского и румынского экспедиционного корпусов под Сталинградом имело важное политическое значение, ускорив выход Италии из войны и сделав явным до этого скрытый внутривойсковой кризис в Румынии. Не менее тяжелый, парализующий удар был нанесен военному престижу гитлеровской Германии в Финляндии, Венгрии и Болгарии, которые сразу же стали зондировать возможность сепаратного мира, а также среди таких нейтральных стран, как Турция, Швеция и Португалия, начавших поворачиваться спиной к гитлеровской Германии, чтобы не оказаться втянутыми вместе с ней в уже обозначившуюся неизбежную катастрофу.

Триумфальная победа советских вооруженных сил в Сталинградской битве привела к подъему как национально-освободительной борьбы в поработанных гитлеровцами странах — особенно в Польше, Югославии, Греции и Франции, — так и антифашистского движения Сопротивления в самой Германии. Чрезвычайно возрос в

⁵⁰ А. Kesselring. Der Krieg im Mittelmeerraum.— «Bilanz des Zweiten Weltkrieges. Erkenntnisse und Verpflichtungen für die Zukunft». Hamburg, 1953, S. 68 и др.; К. Assmann. Die deutsche Seekriegführung.— «Bilanz...», S. 126 и др. См. также русский перевод: «Итоги второй мировой войны». М., 1957. W. Erfurth. Geschichte des deutschen Generalstabs, S. 252.

* Страшно сказать (лат.).

глазах всего мира удельный вес СССР в антигитлеровской коалиции, а также авторитет героически борющегося советского народа. Все эти факторы политического и военного характера дают основание считать Сталинградскую битву поворотным пунктом в ходе второй мировой войны, ибо совершенно ясно, что судьба ее решалась именно на германо-советском фронте.

Но даже несмотря на этот неоспоримый факт, который нанес сокрушительный удар по культивировавшемуся в течение многих поколений преувеличенному самолюбию германского генералитета, западногерманские историки войны все же не отказываются от своих попыток фальсификации. И снова во всем оказывается виноват один лишь Гитлер! Тезис о единоличной вине Гитлера обосновывается:

1) Гитлер недооценил военный потенциал советских вооруженных сил, а когда Гальдер в 1942 г. указал Гитлеру на бесперспективность нового наступления, последний сместил Гальдера с поста начальника генерального штаба⁵¹.

2) Недооценивая советские вооруженные силы, Гитлер ослабил предназначенные для наступления на Сталинград немецкие войска и одновременно предпринял наступление на нефтяные районы Кавказа, считая это даже более важным⁵².

3) Когда было еще возможно вырваться из Сталинградского котла, Гитлер воспретывал этому, несмотря на возражения генералов⁵³.

4) Гитлер переоценил возможности деблокациии и слишком доверился утопическим заверениям Геринга о снабжении окруженной группировки по воздуху⁵⁴.

За исключением Манштейна, который без обиняков отрицает решающее значение Сталинграда для исхода войны⁵⁵, остальные военные историки, с большими или меньшими оговорками, вынуждены признавать его. Например, Гальдер считает Сталинград поворотным пунктом «полководческой славы Гитлера»⁵⁶, Мейсснер заявляет, что следствием Сталинграда явился серьезный кризис доверия⁵⁷. Типпельскирх, хотя и придает отступлению в Северной Африке большее значение, все же признает, что поражение под Сталинградом было в сознании немецкого народа «ощутительнее»⁵⁸. Николаус Форман, видящий в Сталинградской битве «начало конца», пишет, что разум отказывался «довести эту возможность до окончательного вывода»⁵⁹. Эрфурт считает, что при правильном руководстве результат мог бы быть ничейным⁶⁰. В книге «Мировая война 1939—1945 гг.» отмечается огромное воздействие этого поражения на боеспособность и моральный дух немецкой армии⁶¹. Гёрлиц не может отрицать, что поражение под Сталинградом подействовало на Германию, ее союзников и нейтральные страны, как шок⁶². Андреас Хильгрубер рассматривает Сталинград как поворотный момент в германо-румынских отношениях⁶³. Лиддел Гарт, как Рушштедт и другие нацистские генералы, придерживается мнения, что при «более эластичном военном руководстве» поражения Германии можно было бы избежать⁶⁴. И наконец, У. Черчилль считает весну 1943 г. поворотным пунктом, правда, войны на Восточном фронте, а не всей войны⁶⁵.

⁵¹ F. Halder. Hitler als Feldherr, S. 52.

⁵² «Weltkrieg 1939—1945», Bd. I, S. 162; W. Erfurth. Geschichte des deutschen Generalstabs, S. 278 и др.; O. H. Kühner. Wahn und Untergang, S. 145 и др.; O. Dietrich. Zwölf Jahre mit Hitler, S. 109; P. Bor. Gespräche mit Halder, S. 218.

⁵³ H. Speidel. Invasion 1944. Tübingen—Stuttgart, 1952, S. 22; E. v. Manstein. Verlorene Siege, S. 368 и др.

⁵⁴ «Weltkrieg 1939—1945». Bd. I, S. 170 и др.; H. D. H. v. Rohden. Die Luftwaffe ringt um Stalingrad. Wiesbaden, 1950, S. 24; H. Doerr. Der Feldzug nach Stalingrad. Darmstadt, 1955, S. 118 и др.

⁵⁵ E. v. Manstein. Verlorene Siege, S. 321 и др.

⁵⁶ F. Halder. Hitler als Feldherr, S. 55.

⁵⁷ O. Meissner. Staatssekretär..., S. 580.

⁵⁸ K. v. Tippelskirch. Geschichte des Zweiten Weltkrieges. S. 268.

⁵⁹ N. v. Vormann. Tscherkassy. Heidelberg, 1954, S. 10.

⁶⁰ W. Erfurth. Geschichte des deutschen Generalstabs, S. 289.

⁶¹ «Weltkrieg 1939—1945», Bd. I, S. 178.

⁶² W. Görlich. Der Zweite Weltkrieg 1939—1945. 2 Bde Stuttgart. 1952. Bd. I, S. 415.

⁶³ A. Hillgruber. Hitler, König Carol und Marschall Antonescu. Die deutsch-rumänischen Beziehungen 1938—1944. Wiesbaden. 1954. S. 155. 167.

⁶⁴ B. H. Liddell Hart. Jetzt dürfen sie reden. S. 384.

⁶⁵ W. Churchill. Der Zweite Weltkrieg, Bd. 4/2, S. 374 и др.

НЕОФАШИСТСКИЙ ПЕРЕСМОТР РОЛИ ГИТЛЕРА; ЛОЗУНГ «ИНТЕГРАЦИИ ЕВРОПЫ» В КАЧЕСТВЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ РАМОК НАТО

Западногерманские историки не могут и не хотят объяснять возникновение гитлеровского фашизма его классовым характером как наиболее повиннической, разбойничьей и варварской разновидности германского империализма. Они даже, за исключением Хальгартена⁶⁶, вообще избегают затрагивать взаимоотношения гитлеровского фашизма с германским монополистическим капиталом. Даже более или менее объективная работа Карла Дитриха Брахера⁶⁷ не идет в этом направлении дальше незначительных попыток.

Стремясь, как уже отмечалось, свалить всю вину за проигранную войну и за национальную катастрофу на одного Гитлера и снять ее с фашистского генералитета, западногерманские историки постепенно, но вполне целеустремленно перешли к пересмотру так называемого «образа Гитлера». Так, Гёрлиц в конечном итоге клеветнически приписывает причину сносшибательной карьеры «великого барабанщика» Гитлера народным массам, для которых он будто бы являлся «рупором всех их неоформленных желаний и стремлений»⁶⁸. Типичной тенденцией, восходящей к Мейнеке и Риттеру и с тех пор варьируемой западногерманской историографией, является тот субъективизм и иррационализм, при помощи которого она ищет объяснения «загадки» и «демонии» Гитлера. Это делается для того, чтобы отмежеваться от него в вопросе о соучастии и тем самым приписать всю вину лишь мистическим и демоническим качествам «феномена» Гитлера⁶⁹. О «роковой роли Гитлера» как полководца во второй мировой войне пишет, особенно выдвигая на первый план невиновность гитлеровских генералов в поражениях немецко-фашистских войск, бывший защитник нацистских военных преступников в Нюрнберге Ганс Латернзер⁷⁰. Эрфурт, опираясь на Риттера, в заключение своей книги заявляет, будто «германский генеральный штаб в третьей империи совершенно определенно не имел ничего общего с милитаризмом». То же самое мы находим у Кессельринга и у Лиддел Гарта⁷¹.

О том, что все это представляет собой сознательное искажение исторической правды, свидетельствует общеизвестная роль, которую играл германский генеральный штаб в захвате Гитлером власти. Согласно показаниям, которые вынужден был дать Международному военному трибуналу Бломберг, германский генеральный штаб считал реваншистскую войну своим «святым долгом» и в этом состояла «одна из главных задач осуществленного, частично тайно, перевооружения, которое началось примерно за 10 лет до прихода Гитлера к власти и особенно сильно шло при нацистском режиме». Гальдер в своих беседах с Бором заявлял, что офицерский корпус поддерживал Гитлера, поскольку тот стремился выйти за рамки установленного Версальским договором 100-тысячного рейхсвера⁷².

Когда же возникает вопрос о том, почему же столь «оппозиционные» ныне генералы послушно шли за Гитлером и осуществляли его преступные планы, у бывших нацистских генералов всегда наготове отговорка ясает «присяги». Сопrotивление Гитлеру, подчеркивают Краусник и Уилмот, затруднялось якобы тем, что с 1934 г. военная присяга приносилась на верность не «народу и отечеству», а лично

⁶⁶ G. F. W. Hallgarten. Hitler, Reichswehr und die Industrie, 2. Aufl. Frankfurt a. M., 1955.

⁶⁷ K. D. Bracher. Die Auflösung der Weimarer Republik, 2. Aufl. Stuttgart — Düsseldorf, 1957.

⁶⁸ W. Görlich, H. A. Quint. Adolf Hitler, S. 631.

⁶⁹ P. Bor. Gespräche mit Halder, S. 22; O. Meissner. Staatssekretär..., S. 615; O. Dietrich. Zwölf Jahre mit Hitler, S. 56, 274 и др.; N. v. Vormann. Tscherkassy, S. 27 и др.; Ch. Wilmot. Der Kampf um Europa, S. 168 и др.; E. Kordt. Wahn und Wirklichkeit, S. 53 и др.

⁷⁰ H. Laternser. Verteidigung deutscher Soldaten. Plädoyers vor alliierten Gerichten. Bonn, 1950.

⁷¹ W. Erfurth. Geschichte des deutschen Generalstabs, S. 311; A. Kesselring. Gedanken zum Zweiten Weltkrieg, S. 11 и др.; B. H. Liddell Hart. Jetzt dürfen sie reden, S. 17 и др.

⁷² P. Bor. Gespräche mit Halder, S. 98, 101.

Адольфу Гитлеру⁷³. Ближе всех подходит к истине Ульрих фон Хассель, прозаично констатирующий, что прогитлеровская позиция германского офицерского корпуса имела вполне материальные причины: «для большинства из них (офицеров и генералов.— Л. Ш.)... были гораздо важнее дотации и фельдмаршальский жезл, нежели великие исторические цели и нравственные ценности, поставленные на карту»⁷⁴.

Вот чем объясняется та идеологическая косметика, которой теперь подвергают в Западной Германии «образ Гитлера», вот откуда идет болтовня о «неразрешимой загадке», о «демонической силе» и «феномене» Гитлера!

В той же мере, в какой после краха гитлеровского фашизма западные державы взяли курс на то, чтобы не только сохранить в своих оккупационных зонах социальное *status quo*, но и использовать для своих далеко идущих антисоветских планов экономический и военный потенциал Западной Германии, первоначально занятая германскими империалистами, милитаристами и их идеологами позиция «кающихся грешников» сменилась новой, полной радужных надежд. Если раньше еще мыслили и оперировали категориями «гибели Запада», то с той поры заговорили об «интеграции Европы». Одним из самых ранних поборников этой «интегрированной Европы» явился бывший командир дивизии СС «Гитлер-югенд» Курт Мейер.

О своих беседах с этим Мейером в 1945 г. в лагере военнопленных сообщает офицер канадской разведки Милтон Шалмэн. Мейер заявил ему, что готов создать эсэсовскую дивизию «Европа», чтобы помочь США в войне против Японии. Даже у Шалмэна такая угодливость и раболепие ландскнехта вызвали отвращение, в связи с чем он замечает, что безнадежно пытаться «перевоспитать подобного сорта нацистов»⁷⁵.

Вынашивавшиеся еще в период войны Геббельсом и Гиммлером, а также кругами, группировавшимися вокруг Гёрделера, и оппозиционными элементами военные надежды на то, что в конечном итоге они все же смогут участвовать в борьбе против Советского Союза на стороне США, стали основной концепцией возродившегося германского империализма и милитаризма. Эта концепция объясняет, почему еще во время войны не только устанавливались столь характерные отношения между представителями германской буржуазной и военной оппозиции, с одной стороны, и действовавшим из Швейцарии резидентом американской разведки Алленом Даллесом,— с другой, но и имели место прямые переговоры с нацистской разведкой, которая выясняла возможности передачи американцам в полном порядке «оборонительной системы Австрии»⁷⁶, на что Алленом Даллесом было дано определенное согласие.

Ныне наиболее рьяные неофашисты упрекают Соединенные Штаты (которые во время войны тайно, а в 1945 г. уже более явно предпринимали меры к сохранению и поддержанию старых фашистских сил) в том, что США должны были уже тогда говорить и действовать вполне открыто.

Эти идеи варьируются Бремом, Мантейфелем, Арнтцем и Шнейдером⁷⁷, они в различной форме повторяются западногерманскими реакционными историками, социологами, экономистами, юристами, учеными и военными, они вошли в повседневный лексикон западногерманских политических деятелей, а также и публицистов. Идея «интеграции Европы» стала идеологической закусочной агрессивного блока НАТО, «Европейского объединения угля и стали», «Общего европейского рынка» и «Евратома». Эта идея— не что иное, как та дымовая завеса, за которой ныне происходит по всем линиям возрождение германского реваншизма. При помощи

⁷³ H. Krausnick. Vorgeschichte und Beginn des militärischen Widerstandes gegen Hitler.— «Die Vollmacht des Gewissens». München, 1956, S. 235 и др.; Ch. Wilmet. Der Kampf um Europa, S. 80 и др.

⁷⁴ U. v. Hassell. Vom anderen Deutschland. Aus den nachgelassenen Tagebüchern 1938 bis 1944. 2. Aufl. Zürich — Freiburg i. Br., 1947. S. 303.

⁷⁵ M. Shulman. Die Niederlage im Westen, S. 567, 568.

⁷⁶ W. Hagen (Höttl). Die geheime Front. Organisationen. Personen und Aktionen des deutschen Geheimdienstes. Linz — Wien, 1950. S. 459.

⁷⁷ B. Brehm. Am Rande des Abgrunds, S. 492, 614, 645, 717 и др.; H. v. Manthey. Die Wende der Zeit.— «Bilanz...», S. 499 и др.; H. Arntz. Die Menschenverluste im Zweiten Weltkrieg.— «Bilanz...», S. 439 и др.; E. Schneider. Technik und Waffenentwicklung im Kriege.— «Bilanz...», S. 223 и др. См. также русский перевод: «Итоги второй мировой войны». М., 1957.

этой зампствованной из фашистского арсенала «идеи» германские милитаристы и реваншисты вместе со своими воинствующими историками и публицистами осуществляют идеологическую подготовку третьей мировой войны.

Подлинной политической основой той целенаправленной реакционной пропаганды, которая находит свое выражение в фальсификации истории второй мировой войны, является союз возрождающегося германского империализма и милитаризма с американским империализмом. Насколько это было ясно соответствующим органам западных держав уже в 1945 г., видно из следующего, весьма точно отражающего обстановку заявления Шалмэна: «Даже в том случае, если немецкий народ (читай: германский империализм.— Л. Ш.) и не сможет взять на себя в будущей войне роль примадонны, его с большой выгодой может использовать та страна, которой удастся заручиться его ценной военной помощью. Он находится в положении ландскнехта, который служит тому, кто может предложить ему более других... Ведь лучше делить добычу на стороне выигравшего, чем вечно проигрывать самому за себя. В этом те немцы, которые еще жаждут мести, видят свой единственный шанс, еще раз представляющийся им. Они уже сейчас начинают игру с этого козыря»⁷⁸.

Это высказывание полностью отражает внешнеполитическую концепцию западногерманского монополистического капитала, его политических прислужников и воинствующих идеологов.

Особенность нынешней ситуации состоит в том, что западногерманские милитаристы и их идеологи находятся в положении слуги двух господ: американского империализма (в качестве главного орудия осуществления его планов мирового господства) и германского империализма, который хочет под эгидой США удовлетворить свои собственные захватнические интересы. Поэтому идеологи германского империализма вынуждены стремиться к осуществлению своих как ближайших, так и более отдаленных целей, прикрываясь, в духе современности, идеями «объединенной Европы», «единства Запада» и «защиты западной цивилизации».

Этими целями германского империализма являются: во-первых, экспансия в Западную Европу под флагом «европейской интеграции», которая в действительности направлена на экономическое подчинение Франции, Италии и стран Бенилюкса западногерманскому империализму; во-вторых, экспансия во французские, бельгийские и голландские колонии путем экономического проникновения под флагом «общего рынка»; в-третьих, экспансия в страны Ближнего и Среднего Востока (Турция, Иран, Индия), а особенно в арабские страны под флагом антиколониализма; в-четвертых, но отнюдь не в последних, военная экспансия против Германской Демократической Республики под флагом «воссоединения», а также — военная экспансия против Чехословакии, Польши и Советского Союза под флагом реваншизма и ревизии послевоенных границ.

В то время как первые три цели германский империализм в силу своего большого экономического потенциала рассчитывает достигнуть так называемыми «мирными средствами», осуществление четвертой цели может быть связано только с заранее предусмотренным риском новой мировой войны на стороне США, в качестве их младшего партнера⁷⁹.

Совершенно очевидно, что возникший после второй мировой войны сложный клубок экономических, политических и военных ближних и дальних целей германского империализма неизбежно должен был вызвать и действительно вызвал серьезные противоречия внутри самого лагеря НАТО. Но основная позиция как господ, так и слуг является империалистической, реваншистской, антипролетарской, антисоветской и неофашистской — по убеждению и по традиции. Эта позиция основывается на том, что главным оплотом международной реакции ныне являются США. Она исходит также из предпосылки, что союз с американским монополистическим капиталом даст германскому империализму возможность в результате третьей мировой войны осуществить то, что не удалось ему в двух предыдущих.

⁷⁸ M. Shulman. Die Niederlage im Westen, S. 560.

⁷⁹ По этому вопросу см. статью В. М. Хвостова «Внешняя политика германского милитаризма», опубликованную в журнале «Deutsche Aussenpolitik», 1957, Sonderheft 1, S. 35 и др.

Поскольку идеологическая подготовка новой мировой войны, на этот раз в союзе с американским империализмом и в рамках НАТО, уже не может осуществляться при помощи скомпрометированных нацистских политических понятий и возвеличения арийско-нордической «расы господ», западногерманская реакционная историография прибегает к средствам утонченной маскировки своих истинных целей. Вчерашние рьяные нацисты, нынешние закоренелые милитаристы и реваншисты, выдают себя за демократов, за пламенных поборников «объединенной Европы», морали, свободы и права. Они рекламируют себя как обладающих всеми солдатскими добродетелями крестоносцев для похода против марксизма-ленинизма и социалистического строя. Все это, разумеется, при том условии, что «объединенная Европа» будет возглавляться Германией, до зубов вооруженной самым современным атомным и ракетным оружием.

Ввиду той особой ситуации, в которой находится в настоящее время германский империализм, методы фальсификация истории второй мировой войны, практикуемые ныне реакционными идеологами, стали более утонченными и разносторонними, чем после 1918 г. Тогда можно было обойтись методами примитивного национализма, шовинизма и реваншизма. Сегодня уже необходимы более «интеллектуальные» методы, чтобы обходным путем, при помощи идеи «объединенной Европы», при помощи трогательных легенд, прелестных историй, интимных подробностей и сенсаций из жизни бывших нацистских «бонз», при помощи вынужденной полуправды и беззастенчивой лжи, добиться своей цели — идеологической подготовки третьей мировой войны.

Западногерманские империалисты и милитаристы, обладая хорошим классовым чутьем, привлекли к этому горячему участку фронта новейшей истории даже таких медиевистов, как Г. Риттер, Перси Э. Шрамм, Аубин, Герман Хеймпель, или таких историков, занимавшихся преимущественно периодом XVII—XIX вв., как Ганс Ротфельд, Эрнст Хубач и др. Перед этими опытными идеологами германского империализма и милитаризма, представителями старшего поколения буржуазных историков, поставлена задача — в нынешней сложной международной обстановке дать западногерманской молодежи политическую цель и указать ей идеологический маршрут.

НЕКОТОРЫЕ ЗАДАЧИ МАРКСИСТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В настоящей статье указаны лишь главные тенденции реакционной буржуазной историографии, против которых должна решительно выступать марксистская историческая наука, чтобы разоблачать идеологов и пропагандистов третьей мировой войны.

Марксистско-ленинская историческая наука должна, по нашему мнению, углубленно разработать следующие основные проблемы истории второй мировой войны.

1) **Предыстория второй мировой войны:** роль германского монополистического капитала в подготовке и ведении второй мировой войны; роль германского генералитета в захвате Гитлером власти и в подготовке второй мировой войны; героическая борьба Коммунистической партии Германии против фашистской диктатуры и агрессивной внешней политики гитлеровского фашизма.

2) **Вторая мировая война как предмет исследования марксистской исторической науки:** характер и периодизация второй мировой войны; фашистское нападение на Советский Союз; поворотные пункты второй мировой войны; роль Советской Армии во второй мировой войне.

3) **Политика союзников по антигитлеровской коалиции во второй мировой войне:** конференция в Касабланке и тезис о коллективной ответственности немецкого народа в заявлении о безоговорочной капитуляции; конструктивная политика Советского Союза в германском вопросе, проводящая грань между гитлеровским режимом и немецким народом; вопросы международной политики на Тегеранской конференции; проблема второго фронта с точки зрения взаимоотношений внутри антигитлеровской коалиции; характер и закулисные причины плана Моргентау; Ялтинская конференция.

4) **Значение второстепенных театров войны:** военные действия в бассейне Средиземного моря и их политические аспекты; военные действия в Скандинавии (Норвегия, Дания, Балтийское море); военные действия на Тихом океане и их влияние на политику западных союзников.

5) **Движение Сопротивления гитлеровскому фашизму:** пролетарское движение Сопротивления; буржуазная и военная оппозиция гитлеровскому режиму и ее причины; антифашистская борьба в концентрационных лагерях; активная борьба антифашистских групп Сопротивления против гитлеровской военной машины; правда и вымысел вокруг 20 июля 1944 г.; освободительная борьба народов, поработанных гитлеровским фашизмом.

6) **Основные тенденции реакционной историографии после второй мировой войны:** политика западных держав в отношении германского монополистического капитала в первые годы после второй мировой войны; экономический и военный потенциал Западной Германии в агрессивных планах американского и английского империализма; возрождение германского империализма после второй мировой войны и включение Западной Германии в НАТО; отдельные этапы и главные тенденции реакционной историографии с 1945 г. по настоящее время.

7) **Германский реваншизм и идеологическая подготовка третьей мировой войны:** ревизия западногерманской историографией Нюрнбергского процесса главных военных преступников; неофашистский пересмотр роли Гитлера; «интеграция Европы» как идеологические рамки НАТО.

Необходимо со всей энергией, со всей революционной страстностью разоблачать, клеймить и вскрывать методы идеологического наступления реакции. Следует противопоставить им конкретное и глубокое изучение фактов, ясное осознание исторической взаимосвязи явлений и событий, научно обоснованную аргументацию и боевую партийность.

В первую очередь эту борьбу против германского империализма и милитаризма и его идеологов призваны вести историки-марксисты Германской Демократической Республики, которые находятся, образно говоря, на переднем крае идеологического фронта. Мы должны с помощью наших друзей и соратников из Советского Союза и стран народной демократии, совместно с прогрессивными историками капиталистических стран уделить самое серьезное внимание разработке вопросов истории второй мировой войны. Наша несложная задача — раскрыть объективную историческую истину о второй мировой войне, не обходя при этом острых проблем. Мы должны создать давно ожидаемую от нас марксистскую историю второй мировой войны, беспощадно разоблачать всех фальсификаторов и клеветников, всех поджигателей войны и их пособников, которые субъективно или объективно служат американскому и германскому империализму, идеологической подготовке третьей мировой войны. Историография второй мировой войны должна стать в наших руках оружием в борьбе за мир, за недопущение новой империалистической агрессии против лагеря социализма.

